

МЕТАФИЗИКА ОБЫДЕННОЙ ВЕЩИ: ПЕРЧАТКА

© С. И. Голенков

Статья посвящена размышлению над метафизической сущностью такой обыденной вещи как перчатка. Предпринята попытка осмыслить перчатку в ее человекообразном существовании через призму ее участия в бытии человека.

Ключевые слова: агрессивность вещей, функция простых вещей, человекообразность вещи, метафизика перчатки.

Голенков
Сергей Иванович
доктор философских наук,
профессор
первый проректор
Самарская
гуманитарная академия

Интерес к «простым вещам», которые явились темой нашего сегодняшнего семинара, как мне представляется, вызван нашим страхом перед вещами. Этот страх вызван появлением лавины вещей, которые, того и гляди, похоронят под собой человека или, по крайней мере, его поработят. На эту опасность указывал еще Хайдеггер в своей известной работе «Вещь».

Мы перестали понимать вещи. Мы их используем для удовлетворения своих потребностей. Человеческие потребности в отличие от потребностей других живых существ, как известно, не имеют границ. Именно они вызвали и постоянно вызывают к жизни многие вещи. Но вызванные к жизни, вещи, как джин из бутылки, сами начинают порождать потребности. Простейшей, наглядной и повседневной иллюстрацией этого положения выступает реклама. «Это вам необходимо! Это вы хотите! Об этом вы всю жизнь мечтали!» – вещи прямо атакуют нас со страниц буклетов, газет, журналов, из громкоговорителей радиоприемников, с дисплеев мобильных телефонов, с экранов телевизоров и мониторов. Они нас взяли в окружение и дома, и на улице. На щитах, перетягах, на фасадах домов – вез-

де, где только можно, они предлагают себя. Они манят яркой упаковкой, обещанием комфорта, неземными ощущениями. Вещи стали агрессивными. Как бойцы перед сражением за кошелек, а порой и за жизнь, они стройными рядами ждут своей очереди в мини-, супер-, мега- и гипермаркетах.

Многие вещи мы используем исключительно функционально, а потому перестали их знать и понимать. Вещи нам платят тем же, поставив нас в зависимость от себя. Без мобильного телефона, авторучки, органайзера, портфеля, ноутбука – этого «джентльменского набора» современного делового человека – теперь невозможно рационально организовать свой рабочий день. Чтобы быть нужными, они непрерывно видоизменяются, совершенствуются. Их бесконечное изменение привело к логическому результату – время их употребления, использования постоянно сокращается, породив феномен одноразовой вещи, одновременно создав колоссальную проблему их утилизации. Мы стали «механически», на уровне простого условного рефлекса, относиться к вещам. Мы перестали понимать вещи.

Надо вернуть человеческое отношение к ним. Внимание к вещи, попытка осмыслить ситуацию инструментами искусства (кино, литература, живопись) и методами философской рефлексии должны быть направлены не на попытку понять вещь как предмет, как данность, ибо здесь опять мы попадаем в ловушку теоретизирования. «Как только человеческое познание, – предостерегает от этой опасности Хайдеггер, – начинает требовать здесь объяснений, оно не поднимается над существом мира, а проваливается ниже существа мира»¹. Необходимо изменить отношение к вещи. Надо не просто использовать вещи, то есть извлекать из них или с их помощью пользу, надо научиться обращаться с вещью, как со стороной, требующей понимания. Необходимо понять, что вещь – это не просто предмет, «стоящий перед нами», «противо-стоящий», но это предмет, который нами порожден и участвует в нашем существовании, задавая ему человеческое измерение. Вещь, в этом смысле, сама есть субъект. (Возможно, очень странный субъект, как у Делеза и Гваттари в «Анти-Эдипе»). И, прежде всего, научиться понимать те вещи, с которыми мы постоянно имеем дело в своей жизни, в повседневности – обыденные вещи. Попытку такого понимания я хочу представить данным текстом.

Эрнст Дитрих в «Стратегии желания» отстаивает тезис о том, что «любое напряжение, любой индивидуальный или коллективный конфликт разрешим посредством некоторой вещи»². Жан Бодрийяр соглашается с ним, но вносит уточнение в своей «Системе вещей». Вещь, пишет он, выступает разрешением некоего социального или психологического конфликта в своих несущественных аспектах, в своей же конкретной функции вещь – это решение некоей практической проблемы³.

Если принять эту позицию, то человеческий мир – это вещный мир. Только человек имеет дело с вещами. Он живет в мире вещей. При этом

¹ Хайдеггер, М. Вещь // Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер. М. : Республика, 1993. С. 324.

² Цитируется по: Бодрийяр, Ж. Система вещей. М. : ГУДОМИНО, 2001. С. 138.

³ Там же.

вещь — это не просто предмет в своей материально-чувственной данности, а такой предмет, с которым человек постоянно имеет дело в своей жизни. На этот момент обратил свое внимание Хайдеггер в «Европейском нигилизме», рассматривая тезис Протагора⁴. В этом тезисе вещь поименована греческим *χρηστων* от *χρημα*, в буквальном переводе «то, чем пользуются», то, что человек имеет в пользовании, в употреблении, в постоянном обиходе. Перчатки как раз принадлежат к такому разряду *χρημα*, которыми пользуются повседневно практически во всех климатических зонах со времен появления цивилизованного человека.

Основная функция их как предмета человеческого обихода — защита руки. Защита от непогоды, от механических повреждений, наносимых клыками зверя или оружием, защита от нескромных взглядов, если есть необходимость скрывать какой-либо изъян или увечье, а то и вообще отсутствие руки. Однако как всякая вещь, находящаяся в распоряжении человека достаточно долго, перчатки за свою историю обрели множество иных полезных, и не только, свойств.

Они, например, усиливают фиксацию предмета в руке (перчатки врача, фехтовальщика), предохраняют руки от воздействия вредных веществ (бытовые, хозяйственные перчатки) или опасных воздействий (толстые резиновые перчатки электриков), или, наоборот, тонкие, эластичные медицинские перчатки, позволяющие «на ощупь» определять структуру ткани или органа и т. д., я уже не говорю о роли перчаток в гардеробе современного человека. Они не только защищают руки, но и спасают от опасных ударов как владельца перчатки, так и его противника в боевых видах спорта (бокс, тэквондо, бусидо и др.). А иногда спасают и жизнь не просто в силу своей функциональности, но и, буквально, своей материальной телесностью.

У Алексея Пантелеева есть маленький рассказ на два абзаца «Кожаные перчатки». Рассказ завершается строчкой письма из блокадного Ленинграда зимы 1942 года, которой десятилетний сын армейского летчика просит у отца прощение за то, что он со своей сестрой сварили и съели любимые папины перчатки.

Как и всякая вещь, достаточно долго служащая человеку, перчатки начинают занимать в его жизни самостоятельное место. В определенных жизненных ситуациях такого рода вещи превращаются в равноправного сотрудника, соратника человека. Иллюстрацией тому может служить отрывок из романа Ричарда Баха «Чужой на земле». Эта пространная цитата позволяет не только представить отношение человека и вещи, но и ощутить их интимную связь, связь, которая организует определенный режим человеческого существования.

«Мой самолет легко набирает высоту в чужом чистом воздухе над южной Англией, и мои перчатки, не желаясь мириться с бездельем, двигаются по кабине и доделывают то, что им было поручено. Стрелки высотомера быстро проходят отметку 500 футов, и пока мои перчатки заняты тем, что убирают отражатели двигателя, подают давление в сбрасывающиеся баки, отстегивают аварийный карабин от

⁴ См.: Хайдеггер, М. Европейский нигилизм // Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер. М.: Республика, 1993. С. 115.

вытяжного троса, включают пневматический компрессор, я вдруг замечаю, что нет луны. Я надеялся, что будет луна.

Мои глаза, по команде зрителей за ними, еще раз удостоверятся в том, что на всех маленьких шкалах приборов двигателя стрелки находятся в пределах нарисованных на стеклышках зеленых дуг. Добросовестная правая перчатка переводит регулятор подачи кислорода с положения «100%» на «норм.» И устанавливает в черных окошечках передатчика ультравысокочастотной командной радиостанции четыре белые цифры: частоту направляющего меня радара.

Незнакомый голос, который на самом деле мой, говорит с радиолокационной станцией, направляющей мой полет. Голос способен вести разговор, перчатки способны передвигать рычаг газа и рычаг управления, и самолет плавно набирает в ночи высоту. Впереди, за покатым лобовым стеклом, за сокращающейся стеной чистого воздуха, меня ждет непогода. Я вижу, что она вначале жметя к земле, низко и тонко, словно не уверена в том, что ей дано задание расстелиться именно над сушей.

Три белые стрелки высотомера минуют отметку 10 000 футов, задавая моей правой перчатке задание проделать еще одну, меньшую порцию физического труда в кабине. Сейчас перчатка набирает число 387 в треугольном окошечке на панели управления радиокompаса. В наушниках — чуть слышные сигналы азбуки Морзе А-В — позывные радиомаяка Абвиль»⁵.

Здесь перчатки живут как бы самостоятельной жизнью, координируя свои действия с человеком, сотрудничают с ним. Способность вещей вступать в равноправное общение с человеком имеет основу в их человекоразмерном существовании, в их Dasein-бытии. Этот способ существования сущего, который вслед за Хайдеггером традиция приписывает лишь человеку, присущ и вещам, что, по-моему, достаточно убедительно продемонстрировано Ю. А. Разиновым в статье «Dasein вещей, или о чем может поведать трубка», представленной на страницах настоящего издания.

Самостоятельная жизнь перчаток, демонстрируемая Ричардом Бахом в этом отрывке, не является метафорическим литературным приемом. Их самостоятельность имеет основание в самостоянии вещей, в их сопротивлении своей собственной материальностью капризу произвола, содержащемуся в невнимательности чисто утилитарного, потребительско-ничтожащего отношения к вещам.

Сопротивление вещи преодолевается не ее использованием-потреблением, но внимательным отношением к ней, вниманием-пониманием сущности самой вещи. Почему в нашем примере автор не повествует о действиях руки, облаченной в перчатку, а о действиях самой перчатки: «мои перчатки, не желающие мириться с бездельем, двигаются по кабине и доделывают то, что им было поручено», «мои перчатки заняты тем, что убирают отражатели двигателей, подают давление в сбрасывающиеся баки, отстегивают аварийный карабин от вытяжного троса, включают пневматический компрессор», «добросовестная правая перчатка переводит регулятор подачи кислорода с положения «100%» на «норм.»», «перчатки способны передвигать рычаг газа и рычаг управления, и самолет плавно набирает в ночи высоту», «три белые стрелки высотомера минуют отметку 10 000 футов,

⁵ Бах, Р. Чужой на земле. СПб.: Симпозиум, 2001. С. 27–28.

задавая моей правой перчатке задание проделать еще одну, меньшую порцию физического труда в кабине. Сейчас перчатка набирает число 387 в треугольном окошечке на панели управления радиокомпаса? Еще раз отмечу, что дело здесь не только в художественном приеме, а в понимании бытийной связи между вещью и человеком. Перчатка осуществляет телесный контакт человека с миром вещей – регуляторами, тумблерами, кнопками, рукоятками и т. д. Она выступает границей человеческого тела с вещами и, одновременно, связывает тело с миром вещей. Внимательно-понимательное отношение к вещи позволяет человеку включиться в мир вещей, позволяет почувствовать, осознать границы своего существования, в том числе и то пространство, в котором возможен какой-либо разумный контроль за этим существованием. Ричарду Баху присуще внимательное отношение к окружающим вещам. Для его героев привычные вещи – это почти люди, которые требуют не только внимания, но и понимания.

«У моего самолета огромное число причуд, столько, что перед нашим прибытием во Францию пришлось провести небольшое собрание дежурных диспетчеров, чтобы рассказать им о самолете. Непосвященный, услышав взрыв заводящегося двигателя, начинает судорожно шарить в поисках кнопки пожарной тревоги. Когда двигатель работает на земле вхолостую, выдавая скромные 46 процентов оборотов, самолет мычит. Мычит не тихо, себе под нос, а издает сильный, пронизывающий, резонирующий, доводящий до безумия звук "М-М-М-М", от которого командиры аэродромных команд морщатся и показывают на свои уши, напоминая летчикам о том, чтобы они прибавили мощности, увеличили обороты и прошли точку резонанса. Этот самолет издает очень четкое человеческое мычание, так что, услышав его, вся авиабаза знает, что к вылету готовится один из "F-84F". Если слушать с удобного расстояния, то кажется, что самолет настраивает тон перед тем, как начать свою громкую песню. Позже, в небе, обычно нет и следа этого резонанса, зато кабину наполняют другие звуки двигателя.

Иногда, однако, я летаю на самолете, который мычит в воздухе, и тогда кабина оказывается умело спроектированной камерой пыток. После отрыва от земли рычаг газа немного назад, для крейсерской скорости, чтобы идти за ведущим. «М-М-М...» Рычаг еще немного назад. "М-М-М..." Резонансные колебания проходят по мне, словно я металлический сервомотор, привинченный болтами к фюзеляжу. Я быстро трясу головой, будто, мотнув головой, можно разогнать тучу голодных москитов. Я широко раскрываю глаза, закрываю их, снова трясу головой. Бесполезно. Скоро уже становится трудно думать о полете в строю, о крейсерской скорости, о навигации, о чем-либо, кроме всепронизывающего мычания, от которого самолет трясет, как от какой-то болезни. Выпустить аэродинамические тормозные щитки наполовину. Рычаг газа до 98 процентов оборотов. С увеличением мощности звук затихает, его сменяет дрожь воздуха, быющего в пластины тормозных щитков. После двухчасового полета в мычащем самолете летчик превращается в робота с впавшими глазами. Я бы не поверил раньше, что просто звук и вибрация могут так быстро измотать человека...

... "F-84F" и я, мы летаем вместе довольно долго по меркам штурмовой авиации. Мы изучили друг друга. Моя машина оживает от прикосновения моей перчатки, и за то, что я даю ей жизнь, она слушается меня и отдает мне свою силу, выражая тем самым любовь.

Я хочу лететь высоко над облаками, и она охотно протягивает за нами вымпел – извивающийся туннель серого цвета. ... Я хочу лететь низко. Рев, вспышка, мелькание стреловидных крыльев – это мы проносимся над лесистой долиной. Возмущенный нами воздух шелестит верхушками деревьев, и все очертания мира за стеклом

кабины смазаны, зафиксирована лишь одна точка: прямо впереди, на горизонте. Нам нравится наша совместная жизнь»⁶.

Поэтика текста явно представляет нам человекоразмерность вещи – самолета в данном случае. Самолет говорит с нами, говорит не просто в метафорическом, но в буквальном, человеческом смысле, звуком работающих двигателей. И только умеющий слушать услышит. Вещь говорит с нами, провоцируя на понимание, на умение выслушать тайный смысл ее бытия. И бытия человеческого. Это совместное бытие вещи и человека в ситуации «здесь и сейчас», в ситуации «вот», говорит Ю. А. Разинов, где бытие вещи и бытие человека взаимопринадлежны⁷.

Хочу обратить внимание на непровольную метаморфозу, которая происходит в отношении героя и его самолета. Текст начинается с описания самолета с его специфическими особенностями как индивида с почти человеческим «характером», а завершается фразой в конце второго абзаца, в которой герой практически превращается в вещь, в «робота с впавшими глазами». Вещь одухотворяется, а человек превращается в вещь... Сюжет «овещения» человека часто встречается в литературе (классический пример – «Шинель» Гоголя) и имеет давние, мифологические истоки.

Однако как бы мы не поэтизировали и не мифологизировали существование такой вещи как перчатка, она имеет свое значение только как спутница человека. И как всякая вещь, повседневная человеческая вещь, она не только что-то значит при решении какой-либо практической проблемы, но и выполняет, как сказал Маркс, «чувственно-сверхчувственную» задачу, задачу метафизическую. В своей чувственно-сверхчувственной данности она служит, как говорит Бодрийяр, «знаком человеческих отношений». Напомним ставшее классическим определение предмета, данное Марксом в работе «Святое семейство»: «...Предмет, как бытие для человека, как предметное бытие человека, есть в то же время наличное бытие человека для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку»⁸.

К чему отсылает перчатка в качестве повседневной вещи? Знаком чего она выступает? Или по-иному. Какой знак она скрывает? Перчатка хранит, оберегает индивидуальность человеческого существования. Этот тезис становится очевидным, если обратить внимание на этимологические истоки этого слова. «Перчатка» происходит от древнерусского «перстатца» («перстатая рукавица») укорененном в слове «перст» – палец руки. «Перст судьбы» – некий знак провидения, меняющий течение человеческой жизни.

⁶ Бах, Р. Чужой на земле. СПб. : Симпозиум, 2001. С. 38–39.

⁷ Можно согласиться с Ю. А. Разиновым в том, что здесь появляется, точнее, проявляется, совершенно новая онтология вещи: «Такая открывает путь для новой онтологии вещи, где вещи не просто есть, существуют, обладая "готовой" сущностью, а осуществляются, или исполняются в некоем событии, приходя к своей сущности, т. е. в каком-то смысле экзистируют. Событие человека и событие вещи взаимопринадлежат друг другу и есть по сути одно событие – событие мира».

⁸ Маркс К, Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Избр. соч. : в 9 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 1. М. : Изд-во Политической литературы, 1984. С. 53.

И этим знаком индивидуального человеческого бытия нас наградила сама природа, которая позаботилась о том, чтобы у каждого из нас были на пальцах-перстах неповторимые узоры, которые современная биометрия использует для идентификации человека. Но и не только пальцы, вся человеческая ладонь является отпечатком индивидуальной биографии человека, уникальности его жизни, тайну которой пытается разгадать хиромантия.

Перчатка – это не только защита от физического воздействия руки как очень тонкого, многофункционального инструмента человеческого организма, но и охрана руки в метафизическом смысле, охрана от сглаза, от симпатической магии, от преследований и т. д. Не зря, готовясь к делу, не подлежащему огласке, запасаются перчатками. Ведь потеря индивидуальности для человека равносильна личной смерти. Перчатка как тонкая грань между жизнью и смертью, грань, которая проводится самим языком. Ведь достаточно к слову «перст» добавить одну, не самую важную букву алфавита «ь», и получим слово «персть», т. е. «пыль», «прах»⁹. Перчатка, в этом смысле, есть хрупкая метафизическая грань между уникальностью человеческого существования и прахом ничто.

⁹ Словарь русского языка : в 4 т. Т. 3. Изд 2-е, испр. и доп. М. : Русский язык, 1984. С. 112.